

Человек всегда находится в пространстве культуры. Именно «бытие-в-культуре» порождает тот исходный экзистенциал «бытие-в-мире», который рассматривается в аналитике Dasein Хайдеггера. Нужно сначала быть в культуре, чтобы иметь тот или иной мир и то или иное его понимание. Мир человека изначально есть мир, данный ему культурой. Быть в пространстве культуры — это исходное положение человека. А если это так, то априорным началом всякого человеческого действия будут требования архитектоники культурного пространства к организации этого действия.

Культурное пространство — пространство упорядочивания значимых (осмысленных) действий человека. Метрика этого пространства — не мера длины, а указание на различие культурных значений. Таким указанием, а тем самым и формой структурирования культурного пространства выступает граница, линия раздела, предел. Различение значимого и незначимого (в его культурно завершенном виде — различение *sacrum/profanum*) является автохтонным культурным значением. Зарождение культурного мира вытекало из установления этого различения, а утверждение этого различения означало установление культурного мира. Проведение границы (разграничение), осмысление ее, соблюдение или нарушение превращает действия человека в собственно человеческие, или культурные, действия. Граница (разделение, предел) придает культур-

¹ Заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 260 научных и учебных публикаций, в т. ч. книг: «Философия образования. Культурнотропологический аспект», «Социальное бытие искусства», «Онтология культуры», «Человек в мире культуры», «Критика способности быть (семинары по “Бытию и времени” М. Хайдеггера)», «Трансцендентальный эмпиризм Жюль Делеза», «Знак: игра и сущность» (в соавт.), «Онтологические особенности мира человека», «Социальная философия», «Критика опыта сознания: Самарские семинары по трактату М. К. Мардашвили и А. М. Пятигорского “Символ и сознание”» и др.

В. А. Конев¹

ПРОСТРАНСТВО ВСТРЕЧИ КУЛЬТУР

ному пространству особую силу — не силу гравитации (*gravitas, -atis* — тяжесть), свойственную физическому пространству, а силу волюнтации (*voluntas, -atis* — воля), силу воления, желания, силу утверждения—отрицания.

Отмеченная особенность культурного пространства превращает всякую ситуацию действия человека в особую ситуацию, ситуацию встречи, которая исходно несет в себе смысл различия, смысл схода, съезда или слета движущихся в противном направлении (см. толкование слова «встреча»: В. Даль «Толковый словарь живого великорусского языка», т. 1). Встреча — культурное событие, в результате которого человеку открываются новые культурные значимости, расширяется его культурный горизонт. Особый культурный вес события встречи был обнаружен философией диалога (Ф. Розенцвейг, М. Бубер, Е. Левинас, М. Бахтин и др.). Но представители философии диалога больше внимания уделяли процессу и опыту диалога, в котором участники открывали свое лицо друг другу (причем, как правило, именно «другой» открывается «мне», так как «я» — не просто местоимение первого лица единственного числа, но первое, исходное лицо диалога). Сама ситуация встречи в этом случае оставалась в тени. Однако диалог не только реализует встречу, но и определяется ситуацией встречи, что предполагает ее самостоятельное рассмотрение.

Встреча как феномен социальной и культурной жизни человека разнообразна по формам своего проявления. Встречи могут быть на уровне личностей или на уровне социальных институций (различные совещания или переговоры), встречи могут быть с произведениями или памятниками культуры, памятными местами. Встречи могут быть решающими (судьбоносными) и обыденными, знаковыми и незаметными, мимолетными и продолжительными и т. д. Но общим моментом всякой встречи является ее

пространственная структура. Встреча не только предполагает место, в котором она будет происходить, но и особое положение ее участников относительно друг друга. В последнем случае положение характеризуется не параметрами физического пространства, а параметрами пространства культурного. Поэтому встреча в конце концов всегда оказывается встречей, культурно детерминированной, так как, во-первых, она всегда происходит в пространстве культуры, а во-вторых, всегда выступает как встреча культур, воплощенных в субъектах встречи.

Различность культурного пространства, которая задается линией определенности, идеей (*др.-греч. ἰδέα* — вид, наружность), изначально предполагает, что любое культурное образование обладает индивидуальностью (конечно, степень развитости индивидуального начала может быть различной), а потому в пространство встречи всегда входят социально и культурно определенные субъекты. Встреча не происходит на пустом месте и с безликими участниками. Пространство встречи конституируется различием и определенностью участников встречи — чтобы встречаться, нужно быть кем-то. И эта определенность дается культурой. Но сама определенность не становится основанием встречи, для этого необходим непосредственный контакт субъектов встречи, их сход, соприкосновение в реальном месте и времени вещей. А это уже сфера цивилизации, если принять в качестве сущностного различия культуры и цивилизации шпенглеровское разделение (культура — сфера духа и ценностей, а цивилизация — мир значимых, но обездушенных вещей). Тогда можно постулировать, что исходные причины встречи укоренены в цивилизационных (социальных, политических, экономических) условиях человеческого бытия, в тех интересах и желаниях, которые ими порождаются. А культура (мир определений и ценностей) становится тем пространством, в котором происходит встреча.

Если цивилизационная составляющая встречи направляет интенции ее участников (интересы, установки, желания, ожидания), то культурная составляющая определяет ее характер. И существенным моментом в этом случае выступает культура как багаж, как опыт, имеющийся у субъектов встречи. Здесь становится важной ситуация «в начале...». Начало встречи — не то, что тот или иной ее участник предпринимает «сначала», а то, что участники выделяют как свои ресурсы в том начале (культурном), с которым они приходят на встречу, какой значимый для них потенциал культуры они выносят на поле встречи. Эта критическая позиция в отношении собственного начала, то есть собственной определенности, как культурной, так и цивилизационной, является тем началом, которое, по известному выражению, уже половина дела и является необходимым гарантом эффективности встречи. В ходе критической работы не только выявляются основания определенности своей позиции в пространстве встречи, но и оцениваются степень различия и имеющиеся совпадения с позицией контрагента встречи. Эта экспозиция встречи и создает возможность диалога между ее участниками.

Если онтологической основой диалога выступает пространство встречи, то его онтическим проявлением оказывается язык. Если архитектоника культурного пространства, в котором происходит встреча, определяется границей, то меткой границы выступает язык (граница национальной культуры — язык нации, граница искусства — язык искусства, граница художественного направления — язык и стиль этого направления, и т. д.). Поэтому диалог, в котором реализуется встреча, всегда требует общего для ее участников языка, который маркирует границы, различающие участников встречи. Если диалог реализует встречу субъектов, принадлежащих к одной культуре (одной области культуры), то, несмотря на различие их позиций, они являются носителями одного языка, который дает им возможность вступать в диалог. Иная ситуация случается, когда происходит встреча субъектов разных культур, пользующихся разными языками (национальными, профессиональными, образными и т. п.).

Культуры обнаруживают свою особенность и самобытность во время встречи с другой культурой. Когда-то встреча разных культур заканчивалась уничтожением одной из культур (так погибли многие исторические культуры). Современное цивилизационное развитие, характеризующееся глобальными экономическими, политическими и социальными связями, втягивает в единую историческую орбиту народы и регионы разных культур. Столкновение культур в условиях зарождения и укрепления единого цивилизационного основания истории становится неизбежным. Об этом свидетельствуют неудачи политики мультикультурализма в ряде стран Западной Европы, об этом остро и болезненно напоминают процессы на постсоветском пространстве. Как возможен диалог культур в условиях их абсолютной приверженности своей самобытности? Как возможно взаимопонимание культур при абсолютном культивировании каждой культурой границ своих ценностных утверждений? Думаю, что в условиях реального мультикультурализма современной цивилизации диалог между культурами возможен благодаря языку самой культуры.

Любая культура культивирует свои ценности, свои идеалы, сохраняет и воспроизводит опыт жизни и отношений между людьми, накопленный данным народом. Все ценностные культурные программы нацелены на культивирование определенного видения мира, определенного личностного развития, определенной архитектоники смыслового пространства жизни человека. Программы, ценностное и смысловое пространство одной культуры не могут быть приняты человеком, выросшим и впитавшим в себя мир другой культуры. Диалог на языке ценностей, идеалов и смыслов при встрече представителей разных культур вряд ли возможен. В этих условиях важно понять, что культура не просто культивирует определенного человека, а несет в себе функцию провокации действия, призыва к действию. А этому служат универсальные для всех культур модусы субъективности, своеобразные способы формирования направленности действия человека. Они всегда присутствовали в культуре, но если для всех существовавших ранее исторических типов

культуры модусы субъективности дополнялись еще и указанием на прямые образцы субъективности (идеалы личностного развития), на которые и ложилась основная тяжесть «программирования» субъективности, то в современных условиях противостояния культур именно модусы субъективности несут в себе программу субъективного начала.

К таким модусам субъективности относятся, например, культурные представления о «мы», «он», «я», «ты», которые указывают на носителя активности. Эти модусы субъективности формируются как выражение абстрактного содержания универсальных культурных форм, которые используются всеми культурами для представления своего содержания — форм демонстрации, императивных форм, аксиологических форм и форм-принципов. В любой современной культуре представление о каждом из этих модусов субъективности и их взаимодействии существенно трансформируется. «Мы» традиционной культуры и общества со стабильной социальной стратификацией сменяется спонтанным и подвижным «мы», крайним выражением которого является флешмоб — мгновенная толпа. Такое «мы» выстраивается из «я», которое сознательно и специально подчиняет себя некоему общему делу, часто не имеющему никакой конкретной общественной цели. Свой статус имеют «мы» социальных сетей Интернета, «мы» фанатов и т. п. Особое содержание приобретает субъективность первого лица — «я». Если для культур модерна «я» было результатом выбора, то для постпросвещенческой культуры «я» выявляет себя скорее в демонстрации, чем в выборе, это подиумное «я».

А «ты» — это не тот, за кого отвечают («мы в ответе за тех, кого приручили»), а тот, кто увлекается «я», кто входит в сферу влияния «я». Понимание функционирования в культуре этих и других подобных модусов субъективности (модусов чувственности, модусов значимости и др.) позволяет увидеть, как в тех или иных конкретных культурных условиях утверждаются определенные типы поведения людей. А это создает основания для взаимопонимания культур, так как подобные механизмы работают в любой культуре.

Пространство встречи культур — это место и время столкновения и сопоставления ценностей и смыслов. Чтобы событие встречи стало диалогом, взаимопониманием культур, а не их взаимоуничтожением, необходимо готовить пространство встречи. Поскольку культурное пространство основано на разграничении, различении, то культивирование в культуре критического осмысления содержания, способного всегда соотносить любые культурные смыслы с их границами, делает культуру открытой по отношению к иным содержаниям, открытой на встрече. Поскольку культурное пространство обладает интенциональной силой (силой актуальности, энергичностью), то культивирование в культуре готовности к изменениям, инновациям создает возможность видеть в другой культуре истоки возможных инноваций. Наконец, поскольку идея встречи несет в себе не только смысл различия, но и смысл соединения субъектов встречи ради общего дела, то таким общим делом разных культур современности может стать утверждение цивилизационного единства человечества как базиса их различия.